

Д. КОЛЬЦОВ

Кающиеся интеллигенты

Интеллигенцию охватило покаянное настроение. Малейшее переживание, самое мелкое чувство выносится наружу и поинтеллигентски превращается в огромный вопрос общественного значения. Кающийся интеллигент не новость в русской жизни. Как массовое явление он стал известен еще в восьмидесятих годах прошлого столетия, после того как попытка интеллигенции собственными силами спасти Россию кончилась неудачей¹. Но в то время кающийся интеллигент не производил такого шума, как теперь. Удрученный своим поражением, он потихоньку сжигал то, чему поклонялся, покидал старых богов и шел служить новым.

Теперь не то. Нынешнее покаянное настроение, во-первых, шире, потому что предшествующий подъем охватил значительно более широкую массу интеллигенции всевозможных социальных положений, темпераментов и т. д. Во-вторых, поражение, теперь пережитое, было поражением не одной интеллигенции, а всей нации, главным образом ее демократических слоев, и на них-то интеллигенция срывает свою злобу или бросает упреки в несбывшихся мечтах. Покаяние нынче не есть смирение. Люди каются с остервенением, полные злости на кого-то, полные желаний своим покаянием причинить возможно более жестокую боль этому кому-то. Покаяние переходит в проповедь, полную ханжества и лицемерия и производящую отталкивающее впечатление на всех людей более или менее искренних. Конечно, индивидуальные расхождения и разногласия как в оценке прошлого, так и в прогнозе будущего имеются и тут, но фон картины один.

I

По праву первое место здесь принадлежит г. П. Струве. Он возвел покаяние в догму, в символ веры.

Когда-то П. Струве пытался дать свою «формулу прогресса». «Признаем нашу некультурность и пойдем на выучку к капитализму» — так гласила эта формула, которая в то время, когда она была провозглашена, была принята большинством интеллигенции без значительных возражений. Враги марксизма были тогда в меньшинстве, а те из друзей, которые возражали, видели в этой формуле, правда, неудачно выраженное, но все же достаточно ясное признание мысли Маркса об *относительном* превосходстве капиталистической культуры над всеми ей предшествующими.

Нынче г. Струве кается. Он опять говорит о нашей некультурности. Но что за культуру собирается он насадить среди нас! Даже почитатели г. Струве — а их у него осталось немало, — ошеломляемые каждый день новым пересмотром старых установленных понятий и формул, новым выворачиванием наизнанку своего нутра, начинают недоумевать и с сомнением взирать на головоломные скачки, проделываемые их магистратом. Вот уже несколько лет, как г. Струве пытается вложить определенное содержание в свою старую формулу.

И так велико непонимание окружающих, что ему приходится опять и опять возвращаться к излюбленной теме и дополнять ее новыми штрихами

И это неудивительно. В нынешнем покаянном настроении г. Струве приходится отказываться от многого такого, что все привыкли считать — правильно или нет — основой его мирозерцания. Правильно или нет, все видели в бывшем редакторе «Освобождения» главным образом политического деятеля, понявшего значение политического освобождения для будущего России — безразлично, Великой или Малой. Теперь из ответа его г. Пешехонову мы узнаем, что ему «очень дороги политические принципы», но он «глубоко равнодушен к политическим формам», и что «незрелость и умственный фетишизм русской интеллигенции во время революции сказался именно в этом поглощающем политицизме, который на наших глазах превратился в политический Katzenjammer² и в политическую прострацию».

Далее, недоразумения еще усиливаются вследствие слабой памяти г. Струве. Это бывает с кающимися, которые часто забывают наиболее крупные из своих грехов. Это случается с

очень искренними людьми, и виновата тут одна забывчивость. Поэтому г. Струве, вероятно, вполне искренне уверяет г. Пешехонова, что он не потому не метит более в политические вожди, что «теперь это совсем не нужно для дела и совершенно неинтересно и даже невыносимо для меня». Но кто помнит, каким позорным фиаско кончились два сравнительно недавних политических выступления г. Струве — мы имеем в виду его хождение к Столыпину³ и его хлопоты по объединению партии «Народной свободы» с октябристами, — тот наверное найдет, что «теперь» г. Струве чуть ли не сегодняшнего происхождения и что слабость памяти очень удобна для позы кающегося.

Непонятым остается также для большинства читателей г. Струве следующее место из его ответа г. Пешехонову: «Может быть, найдется какой-нибудь примиритель, который захочет “объединить” меня с г. Пешехоновым. Этот примиритель укажет, что чрезвычайная охрана и режим Столыпина заставляют нас быть заодно. Я не спорю, что на целом ряде формальных вопросов, имеющих и большое принципиальное значение, мы можем объединиться. Но это объединение будет в сущности столь же прочно, как прочно знакомство в вагоне железной дороги. Как ни могущественна чрезвычайная охрана, мы уже знаем, что думать о ней прямо пагубно. Нужно подумать о себе и о своем содержании, о том, что мы можем и должны вложить в жизнь. А думая об этом, размышляя о духе нашего строительства жизни, я не вижу возможности прочного и искреннего объединения с г. Пешехоновым. Примирение такого основного разногласия возможно только на почве совершенно беспринципного оппортунизма. Это был бы не только промежуточный, но и гнилой, развращающий компромисс»*.

Как ни прав в своем покаянии г. Струве, но его не поймет его почитатель потому, во-первых, что весьма еще недавно из лагеря г. Струве и иже с ним посылались громы по адресу догматиков, нарушающих единство оппозиции, потому, во-вторых, что почва, родившая «объединительную» психологию, еще продолжает существовать и создавать те же тенденции, какие сильны были в русской жизни до 1905 года, и, наконец, в-третьих, потому, что то, что предлагает г. Струве на место «развращающего компромисса», неприемлемо для его насквозь проникнутого оппортунизмом последователя.

Г. Струве и сам забывает об указанной почве и других зовет отвлечься от нее. Г. Струве, всячески поносящий консерватизм

* Русская мысль. 1909. Январь. «На разные темы», с. 199.

и умственный фетишизм русской интеллигенции, сам не может выскочить из своей интеллигентской шкуры и всю свою работу мысли направляет на выдумывание новой истории, абстрагируясь от фактов жизни и пренебрегая ее уроками. Всякое движение в настоящее время помешало бы этому абстрактному строительству; оно разбило бы все его расчеты. Конечно, когда-нибудь надо будет сдвинуться с места, но это надо будет сделать с толком, с расстановкой, чтобы из движения не вышло какой неприятности. Г. Струве любит порядок, но он не согласен вместе со своим последователем г. Изгоевым двигаться тихонько к «законному порядку»: он хочет прямо с него начать, иметь его готовым под рукой. А так как пока что имеется налицо только г. Столыпин, то г. Струве согласен ждать и смотреть «поверх момента». Надо, однако, признать — и это характерно для его чисто интеллигентского выдумывания проблем и самой жизни — что г. Струве уверен сам и своих читателей уверяет, будто это будет не восточное созерцание своего пупа, а дело настоящее, необходимое в данный момент дело. «Необходимо культурное творчество на принципиально широком фундаменте, возвести который может только свободная и объективная мысль, рассуждающая по существу. Работа эта вовсе не бездействие. В историческом процессе часто бывают моменты, когда позиция спокойного выжидания и углубленной подготовки является в гораздо большей мере делом, чем нервны действия, упреждающие мощные молекулярные процессы. Такую эпоху переживаем мы теперь, эпоху собирания и дисциплинирования положительных сил... “Спокойное выжидание” и “углубленная подготовка”, о которых мы говорим, означают идейное воспитание, духовное перерождение прежде всего т<ак> н<азываемых> образованных элементов нации, а через них и всей нации. Эта задача не тождественна с простым механическим накоплением знаний; еще менее — с пропагандой политических лозунгов. Не следует делать себе иллюзий: в исторической обстановке, в которую выдвинуло нас все предшествующее развитие, такое идейное воспитание означает трудную и суровую идейную борьбу»*.

Бедный почитатель г-на Струве! Он также ничего не имеет против «спокойного выжидания» и «углубленной подготовки», но ему совершенно непонятно, почему эта подготовка требует «трудной и суровой идейной борьбы», которая, как явствует из дальнейшего, должна вестись с направлениями, стоящими вле-

* Московский еженедельник. 1909. № 2.

во «от последовательного либерализма (или конституционализма)». Для огромного большинства своих почитателей г. Струве, как застрельщик российского национал-либерализма, родился слишком рано. Они, эти запуганные почитатели г. Струве, видят перед собой прежде всего действительную, а не выдуманную историю, преподносящую им неожиданные сюрпризы, которых не может не видеть и сам г. Струве, констатирующий, что создавалось «вполне естественное при наших условиях, но, вообще говоря, совершенно неестественное объединение всех «оппозиционных» элементов в Государственной Думе». Почитатель понимает — настолько-то он не отучился еще от самостоятельного мышления, — что, назвав подобное объединение неестественным, г. Струве этим не устраняет еще факта. И кто может ему сказать, как долго этот факт будет влиять на всю общественно-политическую жизнь? А ведь ясно, что при таком положении вещей идейная борьба с левыми противниками либерализма или, точнее, отмежевание либерализма от всех левых течений очень и очень затрудняется. Конечно, г. Струве винит в этом «неестественном объединении безграничный оппортунизм тех, кто в настоящее время ведет т<ак> н<азываемых> октябристов», и может поэтому думать, что случайное перемещение лиц в октябристской фракции изменит и установившиеся отношения. Но и тут вряд ли ему обеспечено полное сочувствие его почитателей, которые весьма еще недавно слышали другие речи «о роли личности в истории».

Почитатель не может не понимать, что сам г. Струве, предчувствуя неизбежный натиск исторических сил, которые разрушают все его чертежи, хочет отделаться пустым словоговорением. Характеризуя настоящий момент, г. Струве не скрывает, что «из хаоса может и должна получиться буря, а из бури снова — хаос». Но, не задаваясь несколько вопросом, в какой мере хаос и буря могут перетасовать все карты и оказать влияние на группировку общественных сил, он может дать только один ответ: «Ради укрепления и воспитания «национального сознания» мы и должны смотреть и жить поверх текущего момента. Это дает нам духовную свободу от всего того, что производится ради сегодняшнего дня, от оппортунистических сделок с тем, чему этот день принадлежит. Это относится одинаково и к реакции и к тому, что не может не быть естественным порождением реакции, к возрождающемуся радикализму, который думает, что он потерпел поражение только — «тактическое»*.

* Там же.

Г. же Струве думает, что нынешний кризис есть кризис идейный.

<II>

Ктс убедил г. Струве в том, что радикализм считает свое поражение только тактическим, мы не знаем. Мы, со своей стороны, думаем, во-первых, что поражение потерпел не только радикализм, но и вся нация (и умеренные друзья г. Струве в том числе), и, хотя мы могли бы немало рассказать об изменах политических друзей г. Струве, мы не так наивны, чтобы приписывать национальное поражение исключительно этим изменам. Национальное поражение есть результат культурной отсталости на почве экономической нищеты. Во-вторых, если под радикализмом понимать одну интеллигенцию, то ведь вполне естественно, что в ее рядах общенациональное поражение вызвало кризис идейный. Но г. Струве разделяет иллюзию этой интеллигенции, когда думает, что ее кризис есть кризис нации и что поэтому выход из кризиса заключается в пропаганде новой идеи и в идейном перерождении интеллигенции. Эта иллюзия характерна для кающегося интеллигента, но это не мешает ей оставаться иллюзией.

Что касается *bête noire*⁴ г. Струве — возрождающегося радикализма, то все признаки говорят за то, что он возродится только как радикализм широких слоев демократии, а не одной интеллигенции и что, не отказываясь от уроков, преподанных ему всем прошлым (поражение и победа одинаково учат, и радикализм никогда не претендовал на обладание абсолютной истиной), значительная часть радикальной демократии — и не худшая — не откажется от своих старых политических и социальных лозунгов*.

Это мы не для г. Струве написали. Мы нисколько не собираемся убеждать его или ближайших его последователей в нашей правоте. Мы чужды «объединительной сентиментальности» и ничего не имеем против идейной борьбы, о которой давно уже кричит г. Струве. Это не мешает нам относиться довольно

* Это, правда, не нравится одному из подголосков г. Струве, г-ну А. Изгову. Но этот политический импрессионист вообще не понимает, как можно оставаться верным каким бы то ни было принципам, как можно следовать Марксу, когда после него писал Бем-Баверк⁵.

скептически к боевой способности или, употребляя термин г. Струве, к боевой годности кающихся интеллигентов. Ведь до сих пор борьба эта, как нам известно, состояла в том, что г. Струве нападал на связанного по рукам и ногам противника и наносил ему один удар за другим. Но, не говоря уже о том, что не все поклонники и почитатели г. Струве обладают таким завидным мужеством, сам он принужден, как мы видели, констатировать факт возрождения радикализма.

Утешения г. Струве приходится искать среди покойников. Как идеал русского интеллигента он рекомендует нам покойного писателя А. И. Эртеля. «Эртель был настоящая религиозная натура». Но религиозная натура Эртеля проявилась вполне именно в драме его жизни, в его нелитературном делании, в этой «лошадиной генеалогии», в этой «бойне и уборке птицы», в этой «хлудовской пшенице»*. Этому восхвалению Эртеля предшествует подробное изложение «своих мыслей в положительной форме», из которого нам придется сделать довольно длинную выписку.

«Потерпело крушение, — говорит г. Струве, — целое мирозерцание, которое оказалось несостоятельным. Основами этого мирозерцания были две идеи или, вернее, сочетание двух идей: 1) идеи личной безответственности и 2) идеи равенства. Применение этих идей к общественной жизни заполнило и окрасило собой нашу революцию.

И тут прежде всего внимание останавливается на судьбах русского народного хозяйства. В основе всякого экономического прогресса лежит вытеснение менее производительных общественно-экономических систем более производительными. Это не общее место, а очень тяжеловесная истина. Ее нельзя и не следует понимать «материалистически», как делает школьный марксизм. Более производительная система не есть нечто мертвое, лишенное духовности. Большая *производительность* всегда опирается на более высокую личную *годность*. А личная *годность* есть совокупность определенных духовных свойств: выдержки, самообладания, добросовестности, расчетливости. Прогрессирующее общество может быть построено только на идее личной *годности* как основе и мериле всех общественных отношений»**.

А судьи кто? Пусть читатель не возмущается и не смеет сближать г. Струве с г. Столыпиным, который в своей извест-

* Русская мысль. 1909. Январь. «На разные темы», с. 207.

** Там же. С. 205.

ной речи по аграрному вопросу тоже подчеркивал право сильных (годных тоже). Нет, г. Струве — не г. Столыпин, ибо «никто и ничто не может меня заставить полюбить то, что любит г. Столыпин». Верьте г. Струве на слово и не забывайте то, что его идеалом является Эртель, жизнь которого «есть моральный и культурный урок русскому обществу, гораздо более выразительный и поучительный, чем всякие рассуждения. И теперь, когда меня спросят, что я разумею под идеей личной годности и под религиозным отношением к производственному процессу, я могу указать на «драму жизни» Эртеля. Эртель тяготился своим жизненным деланием, он ощущал его иногда и даже часто как настоящий крест. Это человечески было более чем понятно, но философски было с его стороны ошибочно. То, что он делал, было важнее и значительнее не только его литературной деятельности, но всякой и всей литературы вообще. *Сажать капусту важнее, чем писать книги. И важнее не в утилитарно-жизнелюбительском, а именно в религиозном смысле*»*.

Примем на веру эту смесь мистики и метафизики, тем более что спор в этой области совершенно безнадежен, и посмотрим на «жизненное делание» Эртеля сквозь немистические очки. Материальная необеспеченность, столь обычное явление в жизни русского писателя, заставила Эртеля променять перо литератора на место управляющего большим имением. Несмотря на то что Эртель тяготился своим новым занятием, он все-таки, зная толк в сельском хозяйстве и обладая известным чутьем практического дельца, образцово повел дела имения. В письмах к друзьям он жаловался на тяжесть креста, который ему приходилось нести, и на «неправдоподобно жестокий» русский быт, и на многое другое. Это не мешало ему сажать и выращивать хорошую «капусту». Таков весь «религиозный смысл» жизненного делания А. Эртеля, то ли заключающийся в том, что он, жалуясь, все-таки несет крест, или же в том, что, неся крест, продолжает жаловаться.

У г. Струве это неясно. Но нам кажется, что и другое вовсе не редкость в русской жизни. Русский интеллигент, поступающий на службу к русскому аграрию или капиталисту, добросовестно выполняющий свои обязанности и при этом посылающий большее или меньшее число проклятий по адресу нашей некультурности, вовсе не является исключительным чудом, как хочется представить г. Струве. Число таких интеллигентов

* Там же. С. 207.

довольно значительно, и их, наверное, было бы еще больше, если бы не разорение наших помещиков и отсталость наших фабрикантов. На одного Эртеля, нашего теплого местечко, приходится десятки столь же воздержанных, добросовестных и расчетливых, но не находящих применения своим силам. Как прикажет г. Струве им доказать свою «личную годность»? Бывает и так, что после многих лет службы российскому капиталисту интеллигент проклинает в конце концов «нашу некультурность», отряхает отечественный прах от ног своих и поступает на службу к капиталу европейскому. Но и это обстоятельство не в пользу г. Струве говорит. Ибо остается непонятным, почему человек признается «лично годным» в Европе и негодным у нас. Как ни вертись, не отвергнешься от тех внешних условий, экономических и политических, которые одинаково влияют и на борьбу масс, и на определение личности. Борьба масс теперь совершенно не фигурирует в схеме г. Струве. А ведь было время, когда он хорошо знал, какое влияние на увеличение производительности труда, а также на духовный и моральный подъем масс имеют хотя бы стачки рабочих.

Мы понимаем, да и сам г. Струве этого не скрывает, что вся его пропаганда имеет целью помочь «самоопределению» русской буржуазии. С этой целью и совершаются поиски за индивидуалистической теорией, которая должна заменить теории социалистические, господствовавшие до сих пор в головах интеллигенции. Примирить буржуазию с интеллигенцией — это один из путей к ускорению «самоопределения» первой. Многие думают, что старания г. Струве облегчаются тем, что сама интеллигенция уже окончательно простила со своими старыми идеалами. Мы постараемся в следующей главе показать, почему такой взгляд нам кажется слишком скороспелым. Пока мы обратим внимание читателя на другое обстоятельство. Индивидуалистические теории, преподносимые ныне буржуазии, ее дел теперь не устраивают: ни в ее борьбе с пролетариатом, ни в ее стремлении усилить свою роль за счет дворянства и бюрократии индивидуализм ей помочь не может. Индивидуализм был хорош, когда он мог увлечь всю нацию. Если бы теперь им заразилась вся интеллигенция сплошь, то это оторвало бы ее от широких слоев народных масс, но не более. «Личная годность» буржуазии, усиленной интеллигентскими пришельцами, не спасла бы ее от натиска снизу, и ей пришлось бы демонстрировать свою «личную годность» силою штыков, как демонстрировал недавно один из героев г. Струве, нынешний французский министр-президент г. Клемансо⁶. Индивидуализм бессилён иг-

рать сейчас творческую роль и осужден остаться символом веры маленькой кучки кающихся интеллигентов.

По этой причине совершенно лишены всякого значения и религиозно-философские препирательства г. Струве с г. Мережковским. Прав г. Струве, когда говорит: «Быть может, наибольшая ошибка Мережковского, его утопизм, как общественно-религиозного деятеля, заключается в том, что он замышляет творить церковную общественность помимо того, что создано историей в этой области». Этот реализм г. Струве несомненно подсказан ему его проникновением в интересы буржуазии, которой, между прочим, необходимо сохранить традиционную религию для народа и именно поэтому не смущать его вольным созиданием новых интеллигентских религий. Но это чутье реальности тотчас же оставляет г. Струве, и он впадает в свою обычную грубую ошибку, когда в одной абстрактной формуле хочет найти решение насущных вопросов. «В христианстве, как в историческом явлении, — говорит он, — заключены эти два мотива, из противоборства которых слагается вся историческая драма христианства. По моему глубочайшему убеждению, социализм и материализм христианства побежден его индивидуализмом и спиритуализмом. Исторический спор решен».

Г. Струве не хочет заняться исследованием материальных основ христианского материализма и социализма, с одной стороны, и индивидуализма и спиритуализма — с другой. Это дает ему возможность одерживать слишком легкие победы. Материализм и социализм были внесены в христианство его первыми основателями пролетарского происхождения. Борьба внутри христианства между социализмом и индивидуализмом была главным образом борьбой между его пролетарскими и непролетарскими элементами. Нынешняя победа индивидуализма и спиритуализма означает уход от христианства пролетариата, т. е. начало превращения самого христианства в секту. Исторический спор, конечно, не решен, но решается (в действительной жизни, а не в головах кающихся и раскаявшихся интеллигентов) отнюдь не в пользу индивидуализма и спиритуализма.

*(Возрождение. 1909. № 5—6. Апрель.
С. 46—50; № 7—8. Май. С. 30—34)*

